

НАКАНУНЕ ДНЯ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР

В небе столицы царит тишина предпраздничная... Влетные полосы подмосковных аэродромов не клубятся пылью, зачехлены машины — летчики, планеристы, парашютисты...

О многом думается в канун этого традиционного праздника. Тепло и любовно говорят советские люди о своей авиации, — ведь она создана их трудом! Ежегодно с покоряющей силой ее успехи раскрываются над тушинским полем, наполняя сердца гордостью...

Высоки темпы развития нашей отечественной авиационной техники. Сегодня она представлена уже сверхскоростными реактивными машинами, оставшими далеко позади звуковой барьер...

С таким вопросом накануне праздника корреспонденты «Литературной газеты» и обратились к авиаконструкторам А. Микояну, О. Антонову, М. Миллю и доктору технических наук профессору Г. Покровскому. На этой странице печатаются их ответы.

С таким вопросом накануне праздника корреспонденты «Литературной газеты» и обратились к авиаконструкторам А. Микояну, О. Антонову, М. Миллю и доктору технических наук профессору Г. Покровскому. На этой странице печатаются их ответы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 74 (3575) Суббота, 23 июня 1956 г. Цена 40 коп.

В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ...

Сверхзвуковые — Между нами говорят, конструкторы реактивных машин испытывают в последние годы некоторую недовольство перед зрителями воздушных парадов...

— Как же, по вашему мнению, будет выглядеть атомный самолет 1966 года? — спросил наш корреспондент Г. Покровский.

Рассказывая далее о работе сельскохозяйственной авиации ближайшего будущего, О. Антонов нарисовал такую картину: «...Ранней весной самолеты приступят к подкормке и севу некоторых культур...

Привет из Варшавы

Первый летчик, совершивший полет над Арктикой. «Победа над воздухом — таков завет, переданный десятилетиями веком двадцатом. Наследники приняли с готовностью этот завет и неустрашимо ринулись на борьбу с последней непобежденной стихией...

Эти строки были опубликованы в русском журнале «Вокруг света» летом 1914 года. Превидение автора оправдалось. В наши дни уже нет на планете точки, которой не мог бы достичь человек с помощью авиации.

В тот самый день — 2 августа (20 июля по старому стилю) 1914 года, когда вышел этот номер журнала «Вокруг света», на Чукотке, в бухте Эмма, русский летчик капитан 2-го ранга Д. Александров проводил первые испытания гидроаэроплана, чтобы совершить полет над арктическими морями.

Честь первого полета в Арктике выпала на долю другого летчика русской авиации — поручика по адмиралтейству Яна Иосифовича Натурского. 21 (8) августа 1914 года гидроаэроплан «Морис Фарман» с 70-сильным мотором, ведомым Натурским, стартовал в Крестовой губе, взял курс на север.

Натурский совершил несколько полетов над побережьем Новой Земли. Целью полетов были розыски пропавших полярных экспедиций Седова, Русанова, Брусилова. Во время четвертого полета — 12 сентября (30 августа) Натурского отклонил от берегов Новой Земли к северо-западу и пролетел над дрейфующими льдами севернее 76-й параллели.

Долгие годы дальнейшая судьба Я. Натурского оставалась неизвестной. Считалось, что он погиб во время первой мировой войны в воздушном бою.

Что касается общих проблем развития авиации в ближайшие десять лет, то ответить на этот вопрос не так легко. Я коснусь лишь одной стороны дела — скорости. С наступлением «эры аэропланов реактивных», о которой мечтал К. Э. Циолковский, скорость их стала нарастать неизмеримо быстрее, чем в «эру аэропланов винтовых».

Разаумеем, и эти скорости не являются пределными. Но конструкторы стремятся сейчас главным образом к тому, чтобы сделать современный сверхскоростной летательный аппарат как можно более легким, дешевым, рентабельным. Этого можно добиться, если, как считает А. Микоян, на протяжении ближайших лет работники различных отраслей техники, связанной с авиацией, в частности конструкторы специальной аппаратуры, будут опережать в работе самолетостроителей.

Говоря далее о перспективах развития авиации, А. Микоян высказал уверенность в успешном преодолении и теплового барьера: ведь на поверхности самолета, летящего в три раза быстрее звука, развивается температура, превышающая 300° по Цельсию. И здесь решающее слово принадлежит металлургу, создающему новые сплавы, а также творцам других новых материалов.

В ходе беседы возник вопрос: насколько сложнее окажется в будущем техника управления скоростными самолетами. Не станет ли это уделом лишь немногих, наиболее здоровых, прошедших многолетнюю профессиональную подготовку людей? А. Микоян не разделяет подобную точку зрения.

Уровень развития авиационной техники таков, — ответил он, — что сверхскоростными машинами могут в совершенстве управлять рядовые летчики. Что бы далеко не ходить за примерами, скажу, что завтра в Тушине наши летчики продемонстрируют высший пилотаж на огромных скоростях почти у самой земли — пилотаж, справедливо считающийся одним из самых сложных элементов техники пилотирования.

Атом и авиация. Доктор технических наук профессор Г. Покровский считает, что мощность легкого и компактного атомного реактора, установленного на самолете, должна не менее чем в десять раз превосходить мощность реактора, построенного на первой атомной электростанции Академии наук СССР. Главная трудность, по его мнению, состоит в том, чтобы отвести тепло из реактора и передать его в двигатель самолета. Для этого реактор должен работать при температурах, превышающих 1000 градусов. Понятно, что реактор требует соответствующих жаропрочных материалов.

Можно сказать, что именно эта область науки и техники является сейчас решающей для создания атомной авиации.

Пассажир усаживается в салоне самолета и вдруг видит, что сильно отнесенные назад крылья поворачиваются вместе с двигателями так, что ось двигателя устанавливается вертикально. Потом самолет плавно, совершенно незаметно поднимается вверх: сила тяги двигателя превзошла его вес, и он поднялся, как обыкновенная ракета.

Запас энергии в реакторе будет настолько велик, что самолет мог бы несколько раз облететь вокруг земного шара. Однако время работы двигателя ограничено не запасом горючего, а быстрым износом материала реактора — он сторавет быстрее, чем атомное горючее. Поэтому можно считать, что дальность беспосадочного полета атомного самолета будет равна примерно одному кругосветному путешествию.

Итак, самолет в воздухе. Высота быстро растет, крылья и двигатели постепенно приобретают горизонтальное положение. Стремительный подъем переходит в еще более стремительный горизонтальный полет.

И вот внизу видны уже айсберги Антарктиды, очертания далекого континента, и, наконец, достигнута цель воздушного путешествия. Крылья самолета снова приобретают вертикальное положение. Машина замедляет ход и повисает, удерживаемая силой тяги своих двигателей. Пилот немного снижает их мощность, и самолет легко касается земли.

Так рисуется атомный самолет недалекого будущего. В этой фантазии нет ничего, что не вытекало бы из уже имеющихся достижений науки. А в наши времена, как известно, реальная действительность нередко обгоняет фантазию. И можно думать, утверждает Г. Покровский, что реальный атомный самолет 1966 года окажется и совершеннее и прочнее, чем мы сейчас себе его представляем.

Итак, будущее принадлежит реактивной и атомной авиации. Но покинут ли небо винтомоторные самолеты? Конечно, нет, утверждает О. Антонов, конструктор планеров и ведущий специалист «АН-2». Больше того, он убежден, что в ближайшие десять лет винтомоторные самолеты станут в народном хозяйстве такими же привычными и необходимыми машинами, как в сельском хозяйстве трактор или комбайн.

Пилотам будущих самолетов, обслуживающих, например, сельское хозяйство, — замечает О. Антонов, — станут трактористы, комбайнеры и агрономы, и будут управлять они этими самолетами не хуже, чем «Победой» или «ГАЗ-69». То, что я скажу дальше, может прозвучать парадоксально — пилотами смогут стать школьники старших классов, а также и пожилые люди. Получение прав на вождение самолета будет упрощено. Таким образом, всевозможные слеты и конференции окажутся «слетами» в буквальном смысле слова. И вряд ли тогда нужно будет сохранять монополию Гражданского воздушного флота на обслуживание всех полетов.

Такой же повсеместной машиной станет в ближайшие десятилетия и вертолет, который, как известно, обладает способностью взлетать и садиться всюду. В народном хозяйстве вертолеты начали использоваться в самое последнее время и нашли здесь широкое поле деятельности. Они работают в геологоразведке, начинают применяться в сельском хозяйстве, выполняют транспортные задачи на севере, в таежных районах, скоро будут вести разведку рыбы и китов. Что же ожидает вертолетную авиацию через десять лет?

Я думаю, что вертолеты будут применяться главным образом как наиболее универсальное средство транспорта, — говорит конструктор М. Миль. — Правда, скорость вертолетов в ближайшее десятилетие будет находиться в определенном пределе, порядка 250—300 километров в час. Но этого вполне достаточно для выполнения ими своей задачи. А вальца такого — полеты на внутриобластных и межрайонных коммуникациях с радиусом действия в 150—200 километров. Любой полет уложится в один час, и нет никакой нужды сокращать это время ценой лишнего расхода горючего. При этом вертолеты не заменят их автомобиль, ни самолет, но станут их необходимым и полезным дополнением.

Об этом свидетельствует и самое развитие вертолетной авиации. Если трех- и четырехместные вертолеты типа «МИ-1» являются как бы воздушными вариантами такси «Победа», то «МИ-4» можно сравнить с грузовым полуприцепом или автобусом на 12 пассажиров. Надо думать, что вертолетный парк в будущем пополнится машинами, соответствующими и различным видам авиации, и различным условиям полета. Вертолетный парк в будущем пополнится машинами, соответствующими и различным видам авиации, и различным условиям полета.

В настоящее время мы заняты созданием многоцелевых народнохозяйственных машин, — говорит М. Миль. — Степень оборудования позволит в течение двух часов пролетать, например, вертолету типа «МИ-1» любой из следующих вариантов: сельскохозяйственный, пассажирский, санитарный. Дальнейшее повышение рентабельности вертолетов даст возможность применять их даже в качестве «трелевщиков», скажем, для вывозки ценных пород древесины из высокогорных районов. Можно будет увидеть вертолет и в качестве воздушного крана с многокилометровым радиусом действия. Он будет разгружать морские суда, участвовать в сооружении мостов.

В будущем, как утверждает М. Миль, вертолеты перейдут на реактивный принцип работы ротора, что произойдет еще до конца ближайшего десятилетия. Это, естественно, поведет к дальнейшему повышению комфортабельности, к увеличению габарита пассажирских кабин, так как на одних машинах турбореактивный, работающий, как компрессор, двигатель будет вынесен за пределы фюзеляжа, а у тяжелых вертолетов, можно предполагать, будет размещаться на концах лопастей винта.

Завтра — воздушный парад в Тушине. Возможно, мы увидим образцы некоторых из тех машин, которым принадлежит будущее.

На Первом съезде румынских писателей

Пятый день работает съезд румынских писателей. Это дни творческой дискуссии о путях дальнейшего развития румынской литературы.

Внушительный перечень докладов, заслушанных съездом: Петру Думитру — о современной прозе, Дана Дешлиу — о поэзии, Михаила Давидоглу — о драматургии, Паула Джорджеску — о состоянии литературной критики, Нодь Иштвана — о литературе национальных меньшинств.

Широк круг вопросов, затрагиваемых участниками съездской дискуссии, — румынские писатели подводят итоги целого десятилетия работы. Обсуждение проблем социалистического реализма как метода, который завоевал себе господствующее, прочное положение в румынской литературе, попрежнему остается на «главном направлении» дискуссии.

И когда с трибуны съезда называются романы, повести, стихотворные сборники — десятки книг, заслуживших за эти годы признание читателя, невольно приходит на память непрошенные «советы», на которые не скучается в наши дни иные из буржуазных критиков. Не пора ли, утверждают они, «отменить» социалистический реализм, хотя бы, так сказать, для «блага» мирного сосуществования?

Нелепость подобных «советов» очевидна, как понятно и то, на что рассчитывают сами советчики, «упраздняя» социалистический реализм. Писания зарубежных «ревнителей» румынской литературы здесь, в Бухаресте, встречается с крайней настороженностью. Слишком уж явно напоминают они о некоторых воинственных речах за океаном, в которых проповедуется насильственное «освобождение» румынского народа от настоящей свободы, завоеванной им с оружием в руках в августе 1944 года.

Но вернемся к большому творческому спору, который ведут румынские литераторы с трибуны съезда. Петру Думитру, говоря о крупных достижениях современной румынской поэзии, подчеркнул ее этический характер, обусловленный революционными преобразованиями в стране.

— Наши книги, — сказал он, — осуждают старое общество, которое осудила сама история.

Он говорит об «исчезнувших талантах», которые вновь пробуждены к творчеству победою румынских трудящихся в строительстве социализма; о писателях старшего поколения — Захарии Станку, Ионе Калугэру, Камиле Петреску, и о талантливом молодом поколении прозаиков — от Мартина Преда, выпустившего свою первую книгу десять лет тому назад, до Титуса Поповича, издавшего свой первый роман «Чужой» в прошлом году.

— Серьезную опасность для нашей литературы, — сказал П. Думитру, — представляет дидактизм. Потому и были хорошо приняты роман «Варган» В. Галана и «Развертывание» М. Преда, что в них «моральный образец предложен нам не в пресной и слащавой форме, а показан в действии».

«Идиллизм» и «негативизм» — эти несколько необычные для нашего слуха термины можно довольно часто услышать в творческих спорах румынских литераторов, причем под первым подразумевается слишком розовое изображение жизни, а второй означает пристрастие к черным краскам, нездоровый, всепоглощающий интерес к теневым сторонам действительности.

Поэт Дан Дешлиу, который выступил на съезде с докладом о современной румынской поэзии, сказал, что и «идиллизм» и «негативизм» одинаково чужды большинству румынских поэтов: — Мы категорически против любых тенденций, искажающих жизнь, и когда эта тенденция представлена в образе златокудрой, розовощекой феи и когда нас убеждают рассматривать события нашего времени, мысли и чувства наших современников сквозь призму ранних чулок.

Дешлиу говорит о достижениях румынских поэтов в таком трудном жанре, как поэма. Он подробно анализирует «1907 год» маститого поэта Тудора Аргези и «Волческу» Эуджена Жебеляну.

С большим вниманием выслушали участники съезда речь В. Ермилова, передавшего слова сердечного приветия от советских писателей. Выступление В. Ермилова, затронувшего некоторые проблемы литературы социалистического реализма, оказалось в основном руслом той дискуссии, которая развернулась на съезде. В Ермилов говорил о заветах Горького, о горьковском определении литературы, как человековедения, о том, что великая русская литература кровью сердца выстрадала социалистический реализм и воплотила его в произведениях Горького.

— Мне кажется, — сказал он, — что многие из тех заветов, которые оставлены Горьким, являются общими для писателей разных стран и народов, создающих литературу социалистического реализма.

Конечно, в каждой национальной литературе все вопросы ставятся жизнью своеобразно, но все же, думается, нас всех могут объединить многие замечательные мысли Горького о целях и задачах писателя.

Разве не близки всем нам слова Горького о социалистическом реализме, как о реализме людей, которые изменяют, переустраивают мир, как о реалистическом образном мышлении, основанном на социалистическом опыте.

Горьковское определение отбрасывает возможность объективистского, описательского «немощательства» художника в действительности. Все светлое и темное в жизни литература социалистического реализма изображает во имя утверждения нового, передового. Это — литература острых конфликтов, а не примирения и сглаживания.

Думитру Мирча не без юмора говорил о призрачном «идеальном» герое, который все еще кочует по страницам книг и не сходит с них в жизнь, считая себя, очевидно, слишком «идеальным» для земного поприща.

Аурел Барана напоминает, что румынская драматургия также отдала дань догматическим заблуждениям. Он едно высмеивает пронумерованные сцены, по которым до последнего времени строились многие пьесы.

— Прежде всего мы должны похоронить догматизм, — заявил в своем выступлении румынский критик Михаил Новиков. Он подробно остановился на допущенных им ошибках в ряде статей и выступлений. В чем их существо?

— Главным образом, — подчеркнул он, — в тенденции подменить живое, увлекательное изучение действительности публичением иллюстрировать ее простыми тезисами. Подобные ошибочные тенденции поощряли дух парадности, попытки представить нашу жизнь, как укатанную дорожку.

Румынские писатели предьявляют на своем съезде серьезный счет литературной критике.

А. АРТЕРЯН, специальный корреспондент «Литературной газеты» БУХАРЕСТ, 22 июня. (По телефону)

ЮБИЛЕЙНАЯ КНИЖКА «БИБЛИОТЕКИ ПОЭТА»

Обе эти серии — большая и малая — хорошо известны читателям. Первая томик «Библиотеки поэта», издание, которое было предпринято по инициативе А. М. Горького, вышел более двадцати трех лет назад. Это были «Стихотворения Г. Державина» с предисловием А. М. Горького.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ДРАМАТУРГИЯ ИБСЕНА

Весной этого года во многих странах широко отмечалось 50-летие со дня смерти великого норвежского драматурга Генрика Ибсена. В честь этой даты издательство «Искусство» предприняло четырехтомное собрание сочинений Генрика Ибсена. В него включены пьесы, а также избранные статьи, речи, письма.

На днях выходит из печати первый том. В него вошли восемь пьес: от драмы «Каттилина», написанной на 21-м году жизни Ибсена, до пьесы «Комедия любви».

По окончании работы над этими книгами типография приступает к брошюровке и переплету первого тома собрания сочинений Мао Дуня.

НА ПОТОЧНЫХ ЛИНИЯХ ТИПОГРАФИИ

«1-я ОБРАЗЦОВАЯ». На механизированных линиях книжно-брошюровочного цеха 1-й Образцовой типографии в Москве сейчас находится книга очерков Бориса Галана «Годы нашей жизни» (издательство «Советский писатель»).

В ближайшие дни типография закончит выпуск книги И. Пущина «Записки о Пушкине. Письма». Кроме записок Пущина, в книге помещены 256 его писем.

«КРАСНАЯ ПРОЛЕТАРИЯ». Среди московских книжных фабрик одно из первых мест по выпуску художественной литературы принадлежит типографии «Красный пролетарий».

СТАТЬИ С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА

Выдающийся советский киновед-исследователь С. Эйзенштейн оставил богатое литературное наследие. Последние годы своей жизни он много и плодотворно работал в области истории и теории кинематографии.

На днях читатель получит подготовленный издательством «Искусство» сборник: «С. М. Эйзенштейн. Избранные статьи». В книгу включены публицистика, статьи из истории советского кино, рецензии и творческие портреты, высказывания о зарубежном кино и статьи по вопросам режиссуры.

«КРАСНАЯ ПРОЛЕТАРИЯ». Среди московских книжных фабрик одно из первых мест по выпуску художественной литературы принадлежит типографии «Красный пролетарий».

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Миллионы маленьких читателей ждут с нетерпением новую книгу о жизни и творчестве Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Три года в плену».

Готовятся к печати в переводе с еврейского языка стихи И. Кавиты для самых маленьких читателей «Скрипочка» и сборник его избранных произведений «Мои друзья».

В серии «Приключенческие книги» выходит две повести А. Бруштейн «Дорога уходит вдаль» и «Путь к мечте».

В серии «Описание жизни и творчества» выходит книга Э. Выгодской «Путь к мечте».

В серии «Приключенческие книги» выходит две повести А. Бруштейн «Дорога уходит вдаль» и «Путь к мечте».

Почему зритель скучает?

Появление телевизора в нашем доме было встречено, как праздник. Несколько недель семья, состоящая из очень занятых, с очень различными интересами людей, смотрела все передачи, начиная от поэтических альманахов и кончая «Как шить одежду для малышей». За короткое время мы ликвидировали свое «отставание», просмотрев пропущенные нами в кино фильмы.

Повышенный интерес к телевизионным передачам вошел в нормальное русло, зритель ослаб, и наконец, трудолюбивый, исправный наш агрегат зачастую оставался «безработным». Я ловила себя на том, что в редкий свободный вечер включаю его неохотно. Слишком много вещей, которые приятнее было слышать, а не видеть, слишком заурядные пошлые концерты эстрады, и даже наиболее удачные из них стали хуже.

Маленький экран телевизора выделяет главное, помогает сосредоточить внимание на основном. Мы можем лучше воспринять любую подробность мимики актера, как это было во время демонстрации замечательного кинофильма о творческом пути Хмелева. Но этот же экран не охватывает сразу всей сцены, оставляет в слуху глаза с актером. И часто это приводит к проигрышу. Ведь в телевизор все «виднее». Тут недостатки раздражают нас даже больше, искусственность, условность заметнее.

Литературные альманахи, передаваемые по телевидению, часто выглядят (именно выглядят!) провинциальными, темп их угнетающе замедлен. Удивительно, почему редко выступают по телевидению писатели-путешественники? И вообще, почему так ограничен состав участников телевизионных программ?

У миллионного зрителя устанавливаются дружеские отношения с диктором, его улыбка, интонация радуют. Они обращены к нам. Но если к диктору мы привыкаем, если он становится как бы членом нашей семьи, то повторение одних и тех же имен и лиц актеров на экране телевизора может и надоесть, даже несмотря на их высокое мастерство. Потому мне кажется, телевидение должно располагать не одной постоянной группой, как советует Игорь Ильинский в своей во многом очень верной и нужной статье «Размышления у телевизора», а всеми коллективами театров и эстрады.

Хроника «Глазами фоторепортера» сейчас невероятно популярна и напоминает времена «Спешившей лодки». Почему бы не предоставлять слово фоторепортеру? Пусть они сами рассказывают нам о своей работе, показывают снимки. Ведь в тех случаях, когда студия телевидения находит интересную форму показа, передачи, как правило, интересны, художественны и многообразны. В этой связи стоит вспомнить творческий вечер Б. Чиркова, постановку балета «Тшешная предосторожность», оперу Сметаны «Тайна» и особенно глубокий, своеобразный по режиссерскому и актерскому раскрытию спектакль «Привидения» Г. Ибсена в постановке режиссера И. Ермокова.

Много лет работает Ленинградская студия телевидения. Я знаю работников этого коллектива — людей творческих, с хорошей выдумкой. Они работают с энтузиазмом, мечтая о музыкальном театре телевидения, о постановке одноактных пьес, о передаче цикла «Путешествие по театральным залам города». Однако в их распоряжении находится одна съемочная передвижка вместо трех необходимых. Впрочем, как видно из статьи работников Центральной студии телевидения в «Литературной газете», эти белы характерны для многих студий телевидения.

До недавнего времени Ленинградская студия отживавшая ставила даже такие крупные спектакли, как балет «Шурале». Но пожарная охрана опасаясь перегрева аппаратуры в неизмеримо тесном помещении, запретила людям «скопляться» в студии. Пожарная охрана права, но права ли два министерства — связи и культуры, поощрявшие телевидение в столь плохие условия?

Маленькую студию пытаются увеличить. Выражаясь на языке работников телевидения...

В редакцию поступили многочисленные отзывы читателей на статью Игоря Ильинского «Размышления у телевизора» («Литературная газета», № 36).

Сегодня мы продолжаем публикацию полученных материалов.

К ней «приспивают карман» — пристройку, но «приспивают» крайне медленно. Мы знаем, что в 1960 году на Петроградской стороне в Ленинграде возмещается огромное здание телецентра с телестудией, отличным оборудованием, великолепно оснащенной и фотостудией, с удобными редакторскими кабинетами.

Пока же коллектив студии помещается в одной тесной комнате и подчас не в состоянии использовать даже имеющиеся в его распоряжении возможности. Штаты студии малы, техническая и материальная база слаба, пленки для съемки нет, нет опытных литературных редакторов. Какалось бы, работники телевидения должны были больше опираться на общественность. Но, к сожалению, студия в этом деле проявляет необычайную пассивность. Например, секции поэзии и детской литературы направляли в редакционные советы студии своих представителей — людей, обладающих творческим опытом. Приняты были хорошие решения, поддержанные секретариатом Ленинградского отделения Союза писателей. Однако, невзирая на активные попытки писателей включиться в работу телевидения, связь эта не налаживается.

Попрежнему по телевизору не передаются перевернутые фильмы, премьеры пьес, хроники событий нашего города, репортажи из парков, стадионов, магазинов, с улиц, с мостов.

Казаюсь бы, чего проще, — дать новинки театра, кино, футбольные встречи? Нет, и здесь есть своя «специфика», продиктованная не запросами зрителя, а... кассой. Кино, театры и даже выпускники училища хореографии, всегда традиционно показывавшие свои спектакли, отказываются впускать к себе телеобъектив. Они боятся «улететь» для зрителя. Даже бесстрашные футболисты «заболели» теми же опасениями. Филармонические концерты для телеобъектива совершенно нецелесообразны.

По примеру Москвы студия телевидения в Ленинграде хотела показать историю кино, продемонстрировать отрывки из фильмов 1910—1916 годов. Но эти уникальные фильмы охраняются так, что доступ к ним невозможен. И благо начавшие так и остались неосуществленными.

Телевидение должно входить в наш быт не только как развлечение, но также как могущее средство просвещения, но и как общественная оценка того, что мы делаем. Мы просто не задумываемся над его всеобъемлющими возможностями.

Мне приходилось видеть телевизионные передачи в Германской Демократической Республике. Большое место в них уделялось рекламе, хронике, новинкам производства и быта, кино. Не прятаясь от телезла должна наша общественность, а привлекать его к себе в помощь. Взять хотя бы область торговли. Почему бы не показывать по телевизору лучшие новинки, а вместе с ними и вещи плохие, безвкусные? Если мы выведем их авторов на суд телезрителей, — разве это не принесет пользу?

Министерство связи и Министерство культуры должны задуматься над тем, чтобы круто изменить практику работы телевидения, дать ему «зеленую улицу», вывести телевидение из тупика, в котором оно находится.

Елена ВЕЧТОВОВА, Ленинград

Старые „новинки“

Коллектив Рижской студии телевидения, один из самых молодых в Советском Союзе, обзавелся статьей «Размышления у телевизора». Недостатки и трудности, описанные в статье, есть и у нас. Мы тоже далеко не удовлетворены качеством обслуживания нашего зрителя. Нам хотелось бы постоянно радовать его интересными новинками. Но если от выступлений по телевидению отказываются московские театры, то к рижским и подступиться нельзя.

Руководство большинства рижских театров дает студии спектакль только после того, как он снимается с репертуара, когда даже внешний вид его весьма убог: декорации пошлыми, мебелью обвешана. Прием театров это и за позор не считают. Исключение составляет только Академический театр драмы.

Не лучше обстоит дело и в гастролях. Не так давно в Риге побывала группа актеров Ленинградского Большого драматического театра. Они привезли спектакль «Разоблаченный чудотворец». Однако, несмотря на предварительную договоренность накануне передачи, театр категорически отказался от объявленной трансляции.

Вот и обрадуется телезритель новинкой! О показе новых фильмов и говорить не приходится. Приказ Министерства культуры СССР демонстрировать новые фильмы по телевидению не позже чем через 10 дней после выхода на экран латвийский Главинокропат давно забыл. Самое лучшее, если нам удастся познать зритель с новой картиной на 15—20-й день.

Так, например, «Утраченные грезы» демонстрировались с опозданием на 60 дней, а «Два капитана» — на 71 день. Документальный фильм «Путешествие по Аргентине» показали через 50 дней. Все это делается с «благословения» Министерства культуры Латвийской ССР.

Программа наших собственных передач подчас однообразна, скучна. Ее подвзрывают крикливо и телезрители и работники студии. Круг авторов, пишущих для телевидения, слишком мал. Союзу писателей Латвии нужно серьезно задуматься над тем, как помочь развитию телевидения в республике.

Мы почти не имеем возможности вести репортаж с места событий, так как на передовой станции отсутствуют движущиеся камеры. И жизнь республики предстает перед нашим зрителем в общем постылой, поскольку мы можем ее «встунуть» в нашу студию. Можно себе представить, какое впечатление производит передача, для которой привозятся в студию станки, автоматы (весом до 200 килограммов). Случается так, что подчас оборудование приходится приводить в действие «ручным приводом», пряча рабочих, выполняющих роль «мотора», за занавеской.

Не лучше отражается сельская жизнь республики. Передвижка может работать на расстоянии не более 18—20 километров. А киносъемочной группы у нас до сих пор нет, хотя ее необходимость ощущается во всех сферах нашей работы.

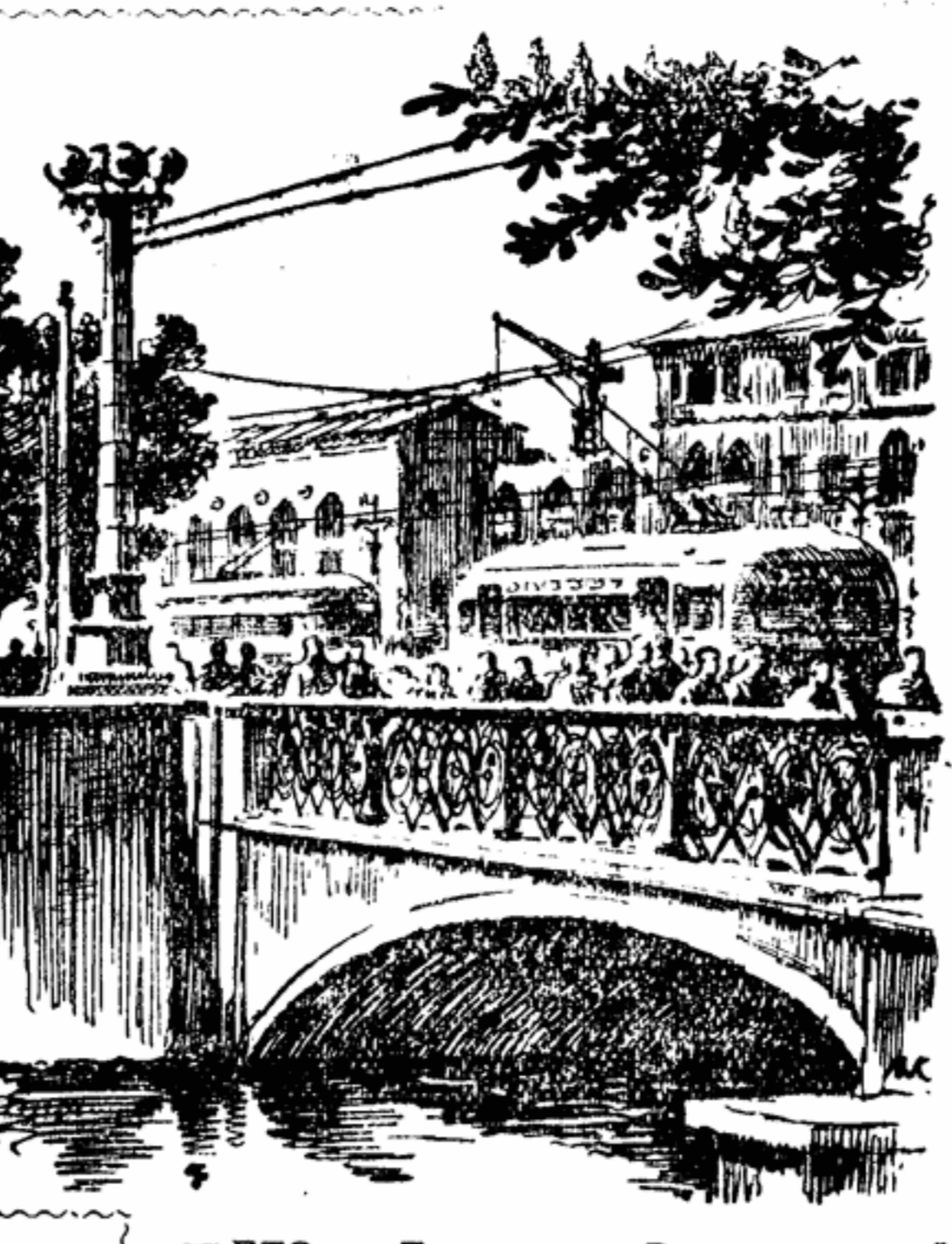
Наша студия приступила к телевизионным постановкам. В студии поставлен ряд пьес. Имя кинопостановки мы могли бы улучшить качество телевизионных постановок, вместо декораций использовать натурные съемки.

Мы считаем, что пора освободить студию от мелочной опеки со стороны республиканского Управления радиодиффузии, чье «руководство» сводится только к подписанию передач.

Целью присоединяется к предложению московских товарищей об организации Управления телевизионными студиями, которое помогало бы в работе, координировало и обобщало деятельность студий. Возможно было бы привести десятки доводов в пользу этого предложения. Возьмем один только вопрос — обмен телепрограммами. Мы налаживаем уже обмен международный, а вот межреспубликанский налажить не можем. Московская студия, как «скупого рыцаря», все прячет в сумку и боится отпечатать копию интересной передачи. Неужели нельзя было бы дать задание всем студиям ежемесячно представлять по одному материалу сюжетам на 6—8 минут и из этого материала систематически выпускать телевизионный журнал, рассказывающий о творческой жизни всех республик? Конечно, можно. Но никто этим не интересуется.

Общий организационный, направляющий орган необходим. И мы несем, что вопрос о его создании будет решен.

Группа работников Рижской студии телевидения: В. Стаунис, Л. Леонинич, В. Албин, М. Паркс, К. Яльниский, Е. Федоренко, А. Веселкова, К. Писесис, А. Троянов, К. Лавринович.

Лето в Ташкенте... Всяду зеленый цвет: зеленые, с серебристым отливом верхушки топей, зеленые кроны карагаев, зеленые узорные листья дубов.

Когда мой город одевается в яркий, благоухающий наряд зелени и цветов, и люблю бродить по его улицам. В моем блокаде появляются новые и новые наборы. И становится особенно заметно, как меняется с каждым годом лицо города.

Вот мой последний рисунок. На нем изображен район моста через канал Анхор — один из самых оживленных районов Ташкента. Когда-то здесь был древнейший мост, а сам канал служил границей между старым и новым городом. По одну сторону находились одноэтажные дома европейского типа, по другую — глинобитные кибитки, полуразвалившиеся дувалы.

Все изменилось в наши советские годы. Переломной новью город: асфальтированные проспекты, многоэтажные дома, чудесная набережная, огромный ковер зеленых насаждений... Ничего не осталось здесь от старого района Ташкента.

Вот почему, бродя с блокнотом по родному городу, я сделал этот неважный набросок с натуры.

В. БАЙДАЛОВ, народный художник Узбекской ССР, Ташкент

Мастера армянского искусства и литературы в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Тепло, сердечная была встреча ленинградских и армянских писателей. Открывая вечер в Доме писателя имени Маяковского, представители армянской литературы приветствовали Вс. Рождественский.

Мы приехали к вам, — сказал секретарь правления Союза писателей Армении А. Салахян, — после большой, серьезной, плодотворной работы, какою была только что закончившаяся в Москве декада армянского искусства и литературы. Надо ли говорить о тех чувствах, которые армянский народ питает к вашему городу, к его славной истории, к героическим делам его людей? С Ленинградом связана судьба многих выдающихся деятелей армянской культуры.

Начинаются выступления поэтов. Стихи на русском и армянском языках читают А. Грши, Г. Борян, А. Дарбин, Г. Эмин, С. Капутян, Р. Ованесян, В. Баласан. Прозвучит Г. Гурцун, познакомив присутствующих со своими миниатюрами. С чтением переводов стихов армянских поэтов выступили поэты В. Звягинцев, мастера словесного слова Н. Комаровская, А. Павлов, Т. Давыдова. Затем состоялся концерт солистов армянского театра оперы и балета.

Гости побывали у рабочих завода «Электросила» имени С. М. Кирова, в Доме культуры имени Ильича. 18 июня в Ленинграде начались гастроли Государственного театра оперы и балета имени А. Спендиарова. Они продлятся до 2 июля.

...Задача: заложить в этот цех новейшую оборудование.

— Ну, что ж. Последний крик — дистанционное управление со складной системой.

— Вот-вот, вы этот «крик» и заложите. Не забывайте: шестая пятилетка! Я приматываюсь к людям, прислушиваюсь к негромким их спорам, и поначалу лишь отдельные реплики этой всеобщей «дискусии» за чертежными досками оседают в блокноте.

— Теперь о пневмотранспорте, — говорит за одним из столов Виктор Михайлович Шестопал. — Я глубоко убежден, что мы должны и песок, и уголь, и горючую землю подавать по трубам. Надо кончать с пылью!

Ему возражают. Это, конечно, заманчиво, ново, эффектно, но плохо проверено на практике. И потом экономически это пока что — «тепличный лес». Выгодно ли? — «Выгодно!» — сердится Шестопал. — Экономiku надо изучать и учитывать, но нам выгодно, прежде всего, сохранить здоровье рабочего. Исно?

Да, за линиями чертежей, за цифирью смет, за этой сложной технической терминологией все время стоит у них человек — рабочий Троицкого централита. Это — главное. Вот спорит литейщик: Сергей Ильич Четверухин и Ефим Самойлович Хомудес, ведущий металлург ленинградского отделения, — «утраивают» технологию. Разговор у них сейчас в гидрокammer. Оба, конечно, «за», тут не может быть двух мнений: струя воды под давлением в сто атмосфер очищает отливки от пригоревшей земли и земляных стержней, освобождая несколько десятков человек от труда, поистине адского. Но вот куда ее ставить, гидрокammer?

— Поймите, Ефим Самойлович, если мы уберем ее из обрубного цеха, то полностью избавимся здесь от земли. Новый уровень техники! Из самого грязного цеха станет самым чистым.

— Пусть так, Сергей Ильич, но ведь не сунете раскаленную отливку в воду. А держать ее в главном корпусе я не согласен. Мне надо, чтобы отливка не обдавала рабочего жаром, а сразу проваливалась под землю и возвращалась к нему уже холодной. Вы понимаете мою мысль?

Ленинградцы и намерен «провалить» отливку в самом буквальном смысле этого слова в подземную галерею, соединяющую два корпуса. Но для этого ему надо поместить гидрокammer в соседнем цехе, а москвич не согласен. И они спорят, ржут, подсчитывают, снова спорят. Иногда их беседа выглядит совсем мирно, иногда они

Дебютанты и рецензенты

Полподполковник Величко противопоставлены в пьесе честные советские люди, в том числе полковник Рябчук. Рябчук принимает деятельное участие в разоблачении Величко. Два мелких штриха, свидетельствующих о том, что Рябчук — существо не абсолютно идеальное, — и Рябчук зачеркнул. Рецензенты отказываются признать его достойным офицерских погон.

Рецензенты пишут: «Такие люди, как вывел А. Борщаговский, не характерны для нашей армии. Известно, что советский народ горячо любит свою армию, посылает в нее лучших своих сынов». При этом они забывают, что советский народ посылает своих лучших сынов не только в армию, но и на производство, и на службу, и в науку, и на руководящую партийную и государственную работу. В нашей стране почетен всякий труд, и, пожалуй, невозможно назвать такую профессию, для которой был бы «характерен» Сергей Величко. Рецензенты пишут: «Неизвестно ни одного случая, когда бы армия, армейская среда оказывали пагубное влияние». Почему тогда не сказать то же самое о среде рабочей, партийной, комсомольской и, как вывод, воспринять изображение плохих коммунистов и комсомольцев, негодных производственников и руководителей? Подобного рода регламентация прямиою ведет к бесконфликтности и лабиринту.

Авторы статьи рассуждают просто: Сергей Величко давно служит, ему присваиваются очередные звания, он имеет награды и не имеет взысканий, следовательно, он не может быть плохим человеком. «Получается довольно странная ситуация, — недоумевает они, — с одной стороны, происходит процесс духовного падения Величко, а с другой — повышение его по службе. Случай явно надуманный». Наивная вера в непогрешимость отдела кадров и ведомственный подход решительно уводит рецензентов от реальной действительности. Воздержимся от жизненных примеров, сошлемся на литературу. Вспомним хотя бы генералов Горлова и Хрипуна из «Фронта». А Корнейчука, Воробейцева из нового романа Э. Казакевича «Дом на площади». Можно ли отрицать жизненную достоверность этих образов?

Авторы статьи совершенно правильно говорят о неуверенном единстве народа и армии. Именно в силу этого единства невозможно и неправомочно всякие пережитки наместности. Наши офицеры иначе понимают «честь мундира», чем генерал Куприна, присущее советскому офицеру чувство собственного достоинства не нуждается для своего подтверждения ни в каких кастовых привилегиях, ни в каком противопоставлении военных штатским. Едино и наше представление о реалистическом искусстве. Не может быть двух критериев — один для военных, другой для прочих граждан. Принять критерии, которые предлагают нам т. Фирсов и Трофуша, значило бы ограничить и затормозить развитие нашей военно-художественной литературы.

Выступая в защиту пьесы, мы отчетливо видим ее некоторые недостатки. Неопытность драматурга сказалась в вялой и громоздкой экспозиции, в лишней персонажах (таковы, на наш взгляд, доктор Монохов и его «шустрый приятель»). Интересно намечено центральное место Маши, но недостаток многогранности. Играет эту роль О. Викландт — актриса яркой индивидуальности, однако и ей не вполне удается доказать, что Маша не только хороший, сердечный, но и интересный, сложный человек. Можно упрекнуть драматурга в том, что разоблачение личинной философии Сергея Величко в конце пьесы сводится к формальному осуждению офицера за попытку уйти от семьи к другой женщине, что само по себе еще не является криминалом. «Жена» не свободна от некоторых литературных реминисценций. Тем не менее пьеса драматурга-дебютанта дала возможность режиссеру И. Туманову и коллективу театра создать интересный спектакль с рядом актерских удач. Театр березно, любовно отнесся к пьесе писателя. И получился спектакль не «проходной», не случайный для творческой биографии коллектива пушкинцев. Спектакль этот занял прочное место в репертуаре театра.

Александр КРОН, Сергей МИХАЙЛОВ

Есть ли в нашем обществе такие люди, как Сергей Величко? Несомненно. Этого, вероятно, не будет отрицать и авторы статьи. Значит, все дело в том, что Сергей Величко носит погоны. И буд Величко по профессии инженером, врачом или писателем, статья, видимо, не была бы написана.

Вот-вот, вы этот «крик» и заложите. Не забывайте: шестая пятилетка! Я приматываюсь к людям, прислушиваюсь к негромким их спорам, и поначалу лишь отдельные реплики этой всеобщей «дискусии» за чертежными досками оседают в блокноте.

Теперь о пневмотранспорте, — говорит за одним из столов Виктор Михайлович Шестопал. — Я глубоко убежден, что мы должны и песок, и уголь, и горючую землю подавать по трубам. Надо кончать с пылью!

Ему возражают. Это, конечно, заманчиво, ново, эффектно, но плохо проверено на практике. И потом экономически это пока что — «тепличный лес». Выгодно ли? — «Выгодно!» — сердится Шестопал. — Экономiku надо изучать и учитывать, но нам выгодно, прежде всего, сохранить здоровье рабочего. Исно?

Да, за линиями чертежей, за цифирью смет, за этой сложной технической терминологией все время стоит у них человек — рабочий Троицкого централита. Это — главное. Вот спорит литейщик: Сергей Ильич Четверухин и Ефим Самойлович Хомудес, ведущий металлург ленинградского отделения, — «утраивают» технологию. Разговор у них сейчас в гидрокammer. Оба, конечно, «за», тут не может быть двух мнений: струя воды под давлением в сто атмосфер очищает отливки от пригоревшей земли и земляных стержней, освобождая несколько десятков человек от труда, поистине адского. Но вот куда ее ставить, гидрокammer?

Поймите, Ефим Самойлович, если мы уберем ее из обрубного цеха, то полностью избавимся здесь от земли. Новый уровень техники! Из самого грязного цеха станет самым чистым.

Пусть так, Сергей Ильич, но ведь не сунете раскаленную отливку в воду. А держать ее в главном корпусе я не согласен. Мне надо, чтобы отливка не обдавала рабочего жаром, а сразу проваливалась под землю и возвращалась к нему уже холодной. Вы понимаете мою мысль?

Ленинградцы и намерен «провалить» отливку в самом буквальном смысле этого слова в подземную галерею, соединяющую два корпуса. Но для этого ему надо поместить гидрокammer в соседнем цехе, а москвич не согласен. И они спорят, ржут, подсчитывают, снова спорят. Иногда их беседа выглядит совсем мирно, иногда они

Итак, подведем некоторые итоги будущего. Прежде всего надо заметить, что в Ленинграде спроектирован за эти дни не один завод, а несколько заводов. У Троицкого централита есть, оказывается, родные

Рождение нового завода Репортаж из будущего

НАШ ЗАВОД горел, — весело объявил Виктор Михайлович Шестопал. — Дотла сгорел, — ровное место! Надо все строить заново... Как будем строить?

В одно видны кирпичные корпуса — гореть они, как говорится, и не собираются. Завод живет, работает, выполняет план. А в кабинете директора собрался инженерный и три часа крику курят, думают, спорят — сообща мечтают о будущем. Каждый из них проработал на московском «Станколите» по десять, по пятнадцать, а то и все двадцать пять лет. Они росли вместе со своим заводом, связались с ним. Теперь приехали проектировщики и вот просят подсказать: а что если бы все заново? С учетом былых просчетов, узких мест... О, конечно, они бы многое сейчас делали по-иному. Если бы действительно заново, разве такой была бы их лаборатория? И уж, конечно, предусмотрели бы экспериментальный цех, и поток на крупной формовке, и больше воздуха, света... В уголке трудятся две стенографистки.

Может, с этого все и началось?.. Давно мне хотелось рассказать о рождении завода. Не с того торжественного момента, когда выходит из заводских ворот первый трактор, или станок, или первая отливка. И даже не с того дня, когда вкладывается первый камень в фундамент. Нет, рассказать о рождении завода с самого начала, с замысла, с первого разговора. Такая вилела все же тема.

С нею я пришел в «Гипростанок», и директор этого крупного проектного института Владимир Михайлович Зуев сразу предложил: — Знаете что? Завтра группа проектировщиков выезжает в Ленинград. Едут Шестопал, наш главный металлург, начальник технологического и Четверухин, главный литейщик московского отделения. Там, вдали от заседаний и телефонных звонков, они семь дней будут вместе с коллективом ленинградцев сочинять новый завод. Поезжайте с ними.

Так я нашел завод. Это — Троицкий централит, один из тех 23 специализированных, оснащенных новейшей техникой литейных заводов, строительство которых именовано Директивами XX съезда партии. В год он производит пятьдесят тысяч тонн литья. Чугунными отливками весом от нескольких граммов до десятков тонн он

путь где-то под Троицком, так путь где-то остался. Но говорят они об этом так: — Ты сделал Троицк? Смотри, до поездки в Вильнюс обязательно сядь Томск, Вологда и Стерлитамак.

Завод они называют городом — так коротко, просто. Но и в этом есть свой глубокий смысл. Если учесть, что в том же Троицке в 1960 году будут выстроены, помимо централита, еще несколько крупных заводов, которые преобразят небольшой городок, то станет ясно, что проектировщик имеет право на это восклицание: «Я делаю Троицк!».

Однако такого торжественного смысла они не вкладывают в свои слова. Они просто работают. Уже началось, одновременно за двадцатью столами, своеобразный, острый разговор проектировщиков — разговор рисунков. Над чертежными досками взлетают руки, они обрывают ладонями стены цехов, указывают на направляющие конвейеров — поясняют мысль. Нетерпеливо хватают карандаш, линия сталкивается с линией — спор.

— Тут у меня вагранга... Рельганг... Шагающий конвейер, Человек за стеклом, у пульты, — видите? — Пока неудобствительно.

— Ну, знаете! Вот вам карандаш, и нарисуйте сами что-нибудь членораздельное! Рисуют, чертят, и в этой борьбе, в неясных, еще, сталкивающихся меж собой линиях, прямоугольниках, квадратах рождаются первые наброски будущих корпусов централита.

Завтрашний день делают люди — знающие, опытные, смелые. Если бы они бездействовали, остановилось бы время, ибо оно растяжимо и длина его всецело зависит от того, какими делами, событиями, переживаниями насыщает его человек. Когда изменения невелики, медленно текут часы. «Время кончилось... Вечный мир настал!» — сказал некий праведник в сплещном гразе Битежа. Мы сами определяем темпы нашего движения вперед, и, значит, от нас зависит, когда он придет, наш завтрашний день.

— Нет, это не масштаб для шестой пятилетки!.. — А какую вы здесь приняли производительность? — Сейчас, минуточку... Четырнадцать форм в час.

— Много. Для такой машины много. — Позвольте вам напомнить, что речь идет о шестой пятилетке...

...Забор из колючей проволоки. По одну сторону забора неторопливо шагает эсэсовец с собакой, по другую — барак, в котором находятся жертвы фашизма. Этот глубоко символический кадр из французского кинофильма «Беглецы» невольно вспоминается, когда начинаешь читать повесть Юрия Пиляра «Все это было» («Новый мир», 1955 г., №№ 10 и 11). Молодой писатель рассказывает об одном из фашистских концлагерей, о жизни и борьбе тех, кто оказался за колючей проволокой.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Д. НИКОЛАЕВ

Автор пишет только о том, что действительно было, что пришлось пережить ему самому. Но это не автобиографические записки, не воспоминания. Ю. Пиляр сумел образно осмыслить увиденное, пережить и создать художественное произведение. Взятую Ю. Пиляром тему можно было решить в различных жанрах: написать роман, в котором жизнь концлагеря была бы изображена широко, многосторонне, с множеством различных человеческих судеб, характеров, типов; можно было создать остро сюжетную повесть о подготовке и осуществлении побега или повесть «бытовую» — о повседневных лагерных «буднях». Молодой писатель избрал другой путь, другой жанр — жанр психологической повести-репортажа. Поэтому в его книге нет ни сложных, развернутых человеческих историй, ни сколько-нибудь значительных экскурсов в прошлое героев, нет и широких философских обобщений. И мы не склонны упрекать автора за то, что всего этого нет. Ведь он писал повесть-репортаж, повесть-хронику, — и судить о достоинствах и недостатках его произведения нужно с точки зрения законов этого жанра.

Книга Ю. Пиляра написана от первого лица — от лица ее главного героя Кости Полатилова, вчерашнего десятиклассника, ставшего заключенным № 31913. Последовательно шаг за шагом рассказывает он о своем пребывании в лагере, о том, что пришлось пережить, пережить. Перед нами развертывается правдивая, страстная исповедь человека, почти два года находившегося рядом со смертью, но не сломенного духовно, не утратившего воли к жизни, в борьбе. Автор не ограничивается показом внутреннего мира своего героя, он изображает его в тесной, неразрывной связи с жизнью всего лагеря. О лагере и о себе — вот содержание книги.

Обратившись к жанру психологической повести-репортажа, автор сделал читателя как бы участником всего происходящего, заставляя его переживать вместе с героем, с болью в сердце следить за его судьбой и судьбами его товарищей.

С первых же страниц книга «берет» читателя «за живое» и уже не отпускает до конца: «Видю — за проволокой повнору идут наши инвалиды под охраной большой группы эсэсовцев с винтовками... Не успеваем мы прийти в себя от неожиданности, как инвалиды исчезают за углом барака. Куда их?»

«Быстро, быстро!» — кричат с крыльца «гер» коммандант.

Конец янтки никак не попадает в игловое ушко... Неужели!

В мертенной тишине раздается десятая последовательная выноточная залив... Все... их уже нет. Везде по тысяча километром, привезли и — убийли.

Гробовое молчание. Живые, мы продолжаем делать то, что принуждены делать. Пальцы шевелятся, глаза смотрят на красные треугольники и черные номера, но куда... Нет, в душе то же, что и раньше: ненависть. Ненависть, несмотря на страх, ненависть страшная, святая, нечеловеческая».

Уже по этому небольшому отрывку видно, насколько лаконично, просто и в то же время точно, верно написана повесть, насколько высок ее эмоциональный накал. В ней нет острого сюжетного дей-

ствия, но есть действие психологическое, — оно-то и держит нас в постоянном напряжении.

Каждый день, каждый час Костя Полатилова, его друзей — Виктора и Олега, как и других заключенных, подкарауливает смерть. Как жить в таких условиях, если знаешь, что «выхода отсюда нет»?

«Хочешь жить — не задумывайся! Тут кто задумывается — или сходит с ума, или сам лезет в петлю. Полаять!» — учит Костя лагерной «мудрости» один из заключенных — Шурка Каменичкин.

«Пожалуй, он прав; задумаешься — и не уйдешь от мысли, что лучше самому с собой покончить, чем ждать, когда тебя сломают реально. Но меня и моих товарищей абсолютно не устраивает ни тот, ни другой вариант конца. Я говорю Шурке, кто думаю не о смерти, а наоборот — о жизни...».

Но мало думать о жизни. — за жизнь нужно бороться, бороться коллективно — эту мысль автор утверждает всем своим повествованием, всей системой образов.

Ю. Пиляр убедительно показывает, как разворачивается повседневная напряженная борьба героев за жизнь — за свою собственную, за жизнь своих товарищей, за жизнь всех заключенных-антифашистов. Борьба эта выражается сначала в мелочах — в лишней порции хлеба или в брызжках, тайком переправленной товарищу, в моральной поддержке, в теплом дружеском слове. Но уже эти «мелочи» свидетельствуют о том, что, несмотря на весь ужас такого существования, люди не утрачивают своих истинных человеческих качеств. Сколько усилий их прилагает охрана к тому, чтобы уничтожить в заключенных все человеческое, известные их до уровня животных, — сделать это не удается. Чувство дружбы, товарищества, солидарности оказывается сильнее: оно живо, его убить нельзя.

Мы видим, как борьба эта принимает все более широкий характер, как в труднейших, нечеловеческих условиях концлагеря настоящие люди — коммунисты, антифашисты — сумели не только организовать товарищескую взаимопомощь, но и создать подпольную организацию, сумели подготовить восстание и в решающий момент вступили в открытый бой с лагерной охраной. Вот, оказывается, что могут сделать коммунисты даже в лагере смерти!

Сквозь всю книгу красной нитью проходит идея интернационализма. Фашизм — враг всех народов: в лагере находятся не только русские, украинцы, поляки, но и французы, итальянцы, немцы. Писатель показывает, как общая борьба за жизнь, за свободу еще больше укрепляет дружбу трудящихся разных стран. Международная солидарность, дружба народов проверяются и скрепляются кровью. Вместе, рука об руку, борются русский офицер-десантник Игнат Бросков, француз Анри Гардуба, итальянец Джованни Готта, чех Штыглер, немец-антифашист Отто Шлегель. Публицистически злободневно, остро звучит финальная сцена повести, когда люди разных стран, на разных языках клянутся очистить землю от фашизма, клянутся не допустить, чтобы «все это» когда-нибудь повторилось.

«Да, мы этого не допустим!», — повторяет читатель вместе с героями книги.

Повесть Ю. Пиляра, драматическая, даже трагическая по материалу, по содержанию, в то же время внутренне оптимистична, так как проникнута глубокой верой в человека, в человечество, в его лучшее будущее.

Смысл ее — не просто «напомнить» о всех тех ужасах, которые принес народам фашизм, но и предостеречь.

Сталь — будет, куда выводить готовую продукцию. Встали на свое место главные литейный корпус, корпус точного литья и модельный цех, заводоуправление и лаборатория, кислородная станция, дело, гараж, столовая. Появились меж ними деревья, заглубил брызгальный бассейн, лег зеленым овалом заводской стадион.

— Приезжайте через пять лет, — укажете довольный Сахаров, — увидите, как это все выглядит в натуре!

Вот, собственно, и все. Остается отлить в последний раз: каким он будет, каким он должен быть? Решено, скажем, трюмному корпусу точного литья дать мощность пять тысяч тонн литья в год. А верно ли это? Почему не четыре тысячи? Не шесть, не десять?

— Это — волево решение, — отвечали обычно проектировщики, — эта цифра — волевая.

«Волево решение» — это значило, что инженеры полагались на свои знания, на свой большой опыт. «Волево» — в этом слове право инженеров на технический риск, на поиск, на дерзание. Но «волево» — это означало одновременно и то, что нет у них данных науки, строгих экономических обоснований.

Сколько раз я слышал в разговорах: «А вот на Уралмаше это сделано так...», «Помню, на Горьковском...», «У нас на ЗИСе...» и почти не было ссылок: «По данным Института экономики...», «НИИЛит-даном рекомендую...», «Академия наук считает...». Научные учреждения плохо вооружены этих людей предвидением, столь необходимым в их неведомом пути в неведомое. Понадобилось вдруг выяснить, сколько времени нужно выдерживать горячую отливку перед гидроагрегатом — важный вопрос. Кинулись звонить на «Донстанколит», разыскивать сменного мастера, литейщиков: но припомнил кто-нибудь какой-нибудь случай?.. Справокников, каталогов новых машин не было, вот и приходилось проектировщикам принимать «волевые решения», брать «волевые цифры». Это настораживало.

...Почему же покидаешь их с полной уверенностью в том, что Троицкий центральный, который они делают, будет действительно сделан по последнему слову техники?

Потому прежде всего, что здесь собрались люди большого опыта и больших знаний. Шестопал и Четверухин — кандидаты технических наук; Шестопал работал на Горьковском автозаводе, и в Харькове на паровостроительном, и в Дибрине на заводе Форда; Четверухин много лет был

«Помни то, что видел здесь: истинных людей и тех, кто не достоин являться «человеком», не забудь ни хороших, ни черных дел...» — говорит рассказчик старый профессор-механик Рашин, — об этом потом, после войны, надо говорить без устали, без устали... Предостергать, напоминать, разоблачать — вот святой долг тех, кто останется в живых, не забудь об этом».

Ю. Пиляр не забыл об этом. Он написал правдивую, мужественную книгу. По своему пафосу, по своей идейной устремленности она — в русле традиций бессмертного «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика. И, пожалуй, не только по идее, но и по форме. «Все это было» — репортаж, написанный точно, скупо, без лишних слов, без литературных украшательств, репортаж, поднятый до уровня зрелой художественной прозы.

Значит ли это, что произведение Ю. Пиляра свободно от недостатков? Отнюдь нет. Как уже говорилось, книга написана от первого лица.

Обращение писателя к этой именно литературной форме вполне обосновано, закономерно: она позволяла ему наиболее достоверно и глубоко раскрыть внутренний мир человека, оказавшегося в концлагере, показать его мысли, чувства, переживания. Кроме того, изображение лагерной жизни сквозь призму психологии главного героя помогло сделать книгу по-настоящему законченной, страстной.

Но молодой писатель не до конца овладел этой сложной литературной формой. Ему не удалось через восприятие, через раскаты главного героя и выплывать передать характеры других заключенных (исключения составляют Шурка Каменичкин и Али-Баба). Антон, Валентин, Игнат Бросков, даже ближайший друг Кости — Виктор и Олег — все эти образы (как и многие другие) интересно наметены, но не прорисованы, не очерчены достаточно четко. Автор не нашел живых, выразительных черт для их характеристик; в результате мы не узнали их по-настоящему, не полюбили, хотя — по отзыву главного героя — это хорошие, настоящие люди.

Изображая деятельность подпольной организации лагеря, автор не обходит трудностей, которые перед ней стояли. Однако к концу повести он временами изменяет этому хорошему принципу: уж больно легко и просто начинает кое-что подучаться. Вот, например, один из героев повести, выслушав предложение Кости Полатилова об организации диверсии на гитлеровском предприятии, отвечает:

«Этот вопрос рассмотрим комитет... Подготовьте мне все ваши расчеты... их пропереть сведущие люди, во-первых. Вот-вторых, дай мне номера товарищей, которые будут непосредственно все исполнять, — мы заглянем еще раз в их личные дела. А в-третьих, проучай-ка сам все это на холодную голову. Больше я пока тебе ничего не скажу».

Прочтешь этот отрывок, и если не знаешь, откуда он, то подумаешь, что разговор происходит на одном из наших заводов и ведут его рабочий-новатор, внесший рационализаторское предложение, и председатель профкома... Вот только слово «номер» режет ухо, но его нетрудно заменить на «фамилию».

«Если уже писать, то только тогда, когда не можешь не писать». В этих словах Льва Толстого очень хорошо выражена одна из важнейших «заповедей» искусства: каждая книга должна быть выношена, выстрадана, писатель должен писать о том, о чем он умолчать не может, что выливается из души. Именно такой книгой является «Все это было» Ю. Пиляра. Вот почему это первое произведение молодого писателя стало заметным явлением в нашей литературе 1955 года.

1. В последнее время все чаще задумываешься над вопросом: почему так быстро стареют многие наши литераторы? Уж не потому ли, что в погоне за «истинной минутой» мы как-то легко отступали от принципов подлинного историзма? А может быть, причина в том, что мы еще слишком часто предпочитаем не искать смело новое, а усердно коллекционировать обрывки чужих вчерашних мнений?

Эти мысли приходят в голову, когда читаешь вторую часть «Очерка истории русской советской литературы» — обобщающий труд по истории советской литературы. И тем не менее на этой книге уже лежит печать дряхлости.

Напомним, что вышедшая немногим более года назад первая часть «Очерка» вызвала интерес общественности. В критических выступлениях отмечались отдельные положительные стороны работы, являвшейся, по сути дела, первым опытом научной характеристики литературного движения 20-х — начала 30-х годов. Но даже в освещении этого, сравнительно более изученного периода советской литературы авторы «Очерка» допустили ряд серьезных методологических просчетов. Механическое перенесение периодизации «Братко» курса истории ВП(б) на литературный процесс, отсутствие широкого исторического взгляда на литературу, как явление эпохи, нивелировка своеобразия художественного творчества — все это говорило о живучести вулгарно-социологического подхода к истории советской литературы.

Во второй части «Очерка» указанные недостатки проявились еще более обостренно.

Два десятилетия, прошедшие между Первым и Вторым изданиями писателей, — это не просто история, это история, являющаяся в современность. Объяснить сложный путь развития советской литературы за эти годы, исторически осмыслить ее сегодняшнюю роль — вот задача, стоявшая перед авторами второй части «Очерка». Решить в полной мере эту задачу можно лишь на основе научно разработанных, марксистской истории советского общества. Такой историей, как справедливо говорилось на XX съезде Коммунистической партии, у нас еще нет. Исторические труды и пособия, проникнутые духом культуры развития советского общества. Это обстоятельство не могло не отразиться на содержании «Очерка истории русской советской литературы».

Изображая литературную жизнь двух последних десятилетий, выпали некоторые явления литературы, а также имена писателей, в отношении которых были допущены промахи и несправедливости. Дело части будущих историков литературы установить подлинное место произведений В. Яковлева, М. Кольцова, В. Кирилова, И. Бабеля и других в живом литературном процессе.

Отсутствие прочной исторической основы отрицательно сказалось на характере оценок, на самом ползком к отдельным художественным произведениям, а также на определении общих закономерностей литературы.

Приходится, таким образом, говорить об известных объективных причинах, в силу которых «Очерк» произойдет сегодня впечатление устаревшей книги. Но ограничиться только этим было бы неправильно. Специфические недостатки «Очерка» возникли как результат укоренившихся недугов нашего литературоведения и критики, недугов, от которых нужно как можно скорее освободиться.

2. В науке о советской литературе давно назрела потребность в работах обобщающего типа. Большой и разнородный материал, накопленный в монографиях о советских писателях, в специальных статьях и исследованиях по частным проблемам, нуждается в осмыслении.

Академический «Очерк истории русской советской литературы» и должен был дать обобщающую картину литературного процесса. Но вместо такой целостной картины читатель находит в книге пеструю мозаику фактов, так и не осмысленных в их внутренней связи.

Уже сама группировка материала свидетельствует о чисто механическом подходе авторов «Очерка» к историко-литературному процессу. Каждая глава книги очень напоминает шахматную доску. «Координаты» любого художественного произведения в истории литературы здесь устанавливаются довольно просто: хронологическая «сетка», «срез» по жанрам, и внутри этих «клеток» однообразно-шаблонные характеристики произведений по темам в порядке официальной иерархии авторов.

Можно себе представить, какие результаты может дать подобный «метод»? Известно, например, что над романом «Тихий Дон» М. Шолохов работал около пятнадцати лет. Первый том романа увидел свет в 1928 году, последняя, восьмая часть четвертого тома была опубликована в 1940 году. Куда же поместить шолоховскую эпопею? Авторы «Очерка» рассудили по-своему. Рецензия на два первых тома «Тихого Дона» читатель найдет в III главе первой части «Очерка», об «остальном» сказано в IV главе второй части. Такая же оценок проделана с романом А. Толстого «Хождение по мукам». Оценка второго варианта «Василия Железнова» почему-то включена из раздела, где говорится о горьковской драматургии советских лет, и совершенно неожиданно вынесена в рассказ о последних днях М. Горького.

Боязнь оторваться от временной «сетки» привела к полной утрате общего исторического взгляда на литературу, к фактологическому эмигризму в группировке материалов. Так, например, в общем обзоре советской исторической прозы читатель «Очерка» не найдет характеристики романа А. Толстого «Петр Первый». Белое изложение основного содержания двух первых книг «прикреплено» к высказыванию Горького о советском историческом романе, отрывочные замечания о третьей книге «Петра Первого» попали в VI главе «Очерка», где говорится о литературе периода Великой Отечественной войны.

Стремясь сохранить внешнею канву литературного движения, авторы «Очерка» упустили самое главное: реальную творческую связь, существующую между творчеством писателя и широким литерату-

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

А. НИНОВ

Живое взаимодействие литературных явлений и должно находиться в центре внимания историков литературы. Обобщенные (а порою разрозненные в ключ) рецензии и аннотации, составляющие бесконечную ленту «Очерка», создают лишь видимость поступательного движения литературы.

3. Лучшие книги советских писателей стали достоянием всего прогрессивного искусства мира. Опыт нашей литературы имеет широкое международное значение. Именно поэтому необходимо всестороннее критическое осмысление накопленного опыта. Пора отказаться от упрощенного внеисторического взгляда, что путь развития советской литературы является собой диалектическую картину правую и непрерывную восхождения от вершины к вершине. Путь этот был противоречив. В нем отразились реальные исторические противоречия эпохи.

Попытки критической оценки исторического опыта советской литературы носят в «Очерке» крайне робкий и беспоследовательный характер. Как правило, они не выходят за рамки отдельных частных замечаний, лишенных какого бы то ни было обобщающего значения.

Особенно показательна в этом смысле глава о литературе послевоенных лет. Во вступительном разделе, где дается краткая историческая характеристика этого периода, авторы «Очерка» сочили нужным сообщить множество самых разнообразных, но далеко не всегда ясных и делу фактов. Здесь и беспорядочная мысль о том, что «большое значение имеют успехи павловской физиологии — научной основы советской медицины и практической деятельности органов здравоохранения», и высказывание на ту тему, что «высвечение ценных кормовых культур (особенно кукурузы) создает реальные предпосылки для мощного развития животноводства», и даже явно преждевременное завершение, будто бы у нас «законочено (?)» издание Большой советской энциклопедии. Но в главе нет даже попытки высказать те определяющие социальные факторы, от воздействия которых в конечном счете зависит общее состояние литературы.

Наиболее значительные произведения послевоенных лет отразили возросшее самосознание советского народа, победившего в войне с фашизмом и вышедшего на широкую дорогу мирного коммунистического строительства. Такие произведения, как поэма А. Твардовского «Василий Теркин», «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Буря» И. Эренбурга, «Далеко от Москвы» В. Азаева, и другие признанные народом книги определяют магистральную линию развития советской литературы.

В то же время в послевоенной литературе обозначились глубоко отрицательные тенденции, связанные с распространением культуры личности и теми уродливыми последствиями, которые она внес в жизнь страны. Речь здесь идет не только о тех произведениях, где непомерно возмечалась роль И. В. Сталина. Речь идет о нарушении и искажении многих норм литературной жизни, тех норм, которые вытекают из ленинского понимания партийности литературы.

Обосновывая принцип партийности литературы, В. И. Ленин выступал не только против буржуазно-анархического понимания свободы творчества, но и против шаблонного, сектантского подхода к искусству. Тон литературной команды в обращении с писателями, нетерпимость и инквизиционные декретирование при решении спорных творческих вопросов — таковы отвратительные гримасы литературного камчатства, поймавшего голову в атмосферу культуры личности. В широких кругах читателей ощущается глубокая неудовлетворенность книгами, в которых допущены отступления от принципов реализма, народности, честного служения правде. Все эти отрицательные явления в развитии литературы послевоенных лет не поставлены авторами «Очерка» в общую связь, многие факты вовсе не получили на страницах книги объективной оценки.

Так, например, в «Очерке» не учтена справедливая критика лозоукрашательских тенденций в прозе о Великой Отечественной войне. Трудно, в частности, согласиться с явно апологетической оценкой романа М. Булгакова «Белая береза». Безудержный культ личности, суверенная «народность» обесценили значение этой когда-то талантливо начатой книги.

Искусство не терпит фальши, и как бы ни были ширши на похвалынные эпитеты истории литературы, время рано или поздно утверждает свое. Судьба романа С. Бабаянского свидетельствует о том, как непрочно бывает литературный успех произведений, выданных приятные иллюзии за правду жизни. Иллюзии исчезают, а факты остаются. Не случайно критика такого рода слащавых произведений стала в последнее время общим местом многих литературных выступлений.

В умеренной дозе подобная критика проникла даже на страницы «Очерка истории русской советской литературы». Но право же, пора от общих мест переходить к анализу, обобщению. Для историка литературы романы С. Бабаянского интересны не просто как факт лакировки, а как типическое явление, симптом времени.

Отвлеченные рассуждения авторов «Очерка» о том, что истоки «теории» бес-

конфликтности следует искать в «правильно» исторических, вымышленных «кватухани классовой борьбы», совершенное не идут в делу к едва ли способным ко-го-нибудь убедить. Все это лишь трескучие слова, лишены реального содержания, а в конечном счете — угод от конкретного исторического анализа общественных условий, в которых развивалась наша литература.

4. В. И. Ленин считал бесспорным, что литературное дело всего менее поддается механическому равенству, нивелированию, господству большинства над меньшинством:

«Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным способностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию».

Эти ленинские слова у нас часто повторяют в последнее время, но далеко не всегда им следуют при конкретном подходе к явлениям литературы. Между тем самое главное сейчас как раз и состоит в том, чтобы от разговоров о необходимости многообразия творческих течений в советской литературе перейти к практическому созданию реальных условий, в которых эти течения могли бы развиваться наиболее плодотворно.

Правильное освещение историко-литературной перспективы здесь совершенно необходимо. В создании, и с этой точки зрения содержание «Очерка истории русской советской литературы» вызывает чувство глубокой неудовлетворенности. Дело не только в том, что в книге самые разные писатели получили на одно лицо. Веда в том, что при характеристике отдельных произведений авторы «Очерка» опустились до вулгарной, «глухой» в эстетическом отношении критики, пренебрегающей своеобразным замыслом писателя, особенностями его подхода к жизни.

О повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» читатель «Очерка» узнает, в частности, следующее:

«Писатель не стремился к созданию исторической эпопеи. Он ставил перед собой задачу показать те частные элементы, из которых складывались большие события». Однако такое сужение проблемы привело к некоторой ограниченности романа. Веда повествование от лица одного из своих героев, Керасцева, автор говорит лишь о том, что непосредственно окружает этого героя, что он лично видит и знает. Но Керасцеву как советскому офицеру должно было быть свойственно знание и понимание общего смысла событий...».

Если писатель ставил перед собой задачу показать «те частные элементы, из которых складывались большие события», и талантливо решил эту задачу, то какой смысл имеет шаблонный упрек по поводу искусственной «ограниченности» авторского поля зрения? Если писатель в отдельных частях вынужден был печатать психологические разборы участников войны, то какой смысл в сетавах, что масштаб и значение Сталинградской битвы в целом «же нашли отражения в романе»? Кажется, Чехову принадлежит пророческое замечание: если вам предлагать кофе, не просите явля. Критика, которая в своих оценках идет от отвлеченных представлений о «советском офицере», рабочем, колхознике, комсомольце вообще, а не исследует конкретный замысел и характеры данных типов, по меньшей мере бесплодна. В таком подходе и кроется источник губительной для искусства нивелировки.

Полное непонимание специфики таланта, своеобразия манеры сказались также при оценке романа В. Пановой «Кружиться»: «Изобразив в романе рядовых советских людей, инженеров, рабочих, молодых, В. Панова пыталась (?) создать картину жизни тыла. Однако при всей точности отдельных наблюдений писательница, при всей свойственной ей тонкости психологического рисунка повесть не дает широкого представления о героизме советского тыла. Недостатком повести является чрезмерное внимание писательницы к мелочам быта, которые часто загромождают у читателя основное содержание жизни советских людей».

Подобная критика не отличается ни новизной, ни оригинальностью. Веда вообще говоря, внимание к быту и, если угодно, в «мелочах быта» в сочетании с тонкостью психологического рисунка не дает широкого представления о героизме советского тыла. Недостатком повести является чрезмерное внимание писательницы к мелочам быта, которые часто загромождают у читателя основное содержание жизни советских людей».

Можно спорить, насколько можно уделить В. Пановой осуществив каждый раз свой замысел, насколько глубоко поняти и раскрыты в ее произведениях те или иные характеры и общие жизненные связи. Но утверждать, что в романе «Кружиться», например, В. Панова только «пытается», «стремится», а, по сути, ничего не достигает, просто-напросто несправедливо.

Заметим, что буквально на той же странице, где речь идет о «Кружиться», можно найти оценку романа В. Погова «Сталь и шпалы», которая выведена без учета подлинной эстетической ценности произведения: «Вл. Попов создал характерные для послевоенной литературы образы героев — новаторов производства, инженеров Крайнова и Макарова, сталевана Шатилова, Пермикова и др. Роман шокирует читателя на борьбу против косности и рутинности, против индивидуализма и своекорыстия».

Если мы хотим реального многообразия талантов, то с пути советских писателей нужно убрать искусственные препятствия в виде предвзятых мнений, шаблонных критических мерок и ненужной регламентации. В этом со всей очевидностью убеждает живой опыт истории советской литературы.

СОВЕТСКИЙ НАРОД ПРИВЕТСТВУЕТ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

Событие большой важности

Тружасься Латвии вместе со всеми народами нашей Родины искренне приветствуют итоги переговоров между правительствами Советского Союза и Югославии. Мы знаем, что эти переговоры имеют огромное значение для дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества наших стран.

В октябре 1955 года мне пришлось побывать в Югославии в составе делегации Верховного Совета СССР, а весной этого года — с делегацией советских ученых на международном конгрессе по микробиологии в Белграде. Мы беседовали с представителями различных слоев общества — рабочими, крестьянами, членами сельскохозяйственных заводов, инженерами металлургических и химических заводов, кораблестроителями Сплита и Риеки, учеными университетов Белграда и Скопье, Сербокой и Словенской академий наук. Повсюду мы, советские люди, неизменно находили самый радушный и сердечный прием.

Тружасься Югославии успешно строят социализм в своей стране, они проникнуты стремлением крепить дружеские связи с народами СССР. Об этом нам говорили югославские ученые, которые внимательно следят за трудами советских коллег и желают установить с ними еще более тесный контакт. Об этом шла речь и на сердечном приеме делегации Верховного Совета СССР Президентом ФРЮ товарищем Тито.

Пребывание товарища Иосипа Броз Тито в Москве и переговоры, которые он и возглавляемая им делегация вели с руководителями Советского правительства и КПСС, — значительное событие в международной жизни. Оно будет способствовать укреплению мира между народами, единению сил демократии и социализма.

Я. ЦЕВВЕ,
президент Академии наук Латвийской ССР
РИГА, 22 июня. (По телефону)

Дружба нужна, как жизнь

Недавно я вернулся из далекого антарктического плавания. Большая радость ждала нас на советской земле. Тысячи жителей Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Кубани, Сочи сердечно приветствовали дорогих югославских гостей. Думая о дружбе советского и югославского народов, я часто вспоминал встречи с югославскими партизанами.

...Это было в 1944 году. Темной ночью я вместе с моим неразлучным спутником—киноаппаратом—спустился на парашюте на югославскую землю. Меня окружили люди с красными звездочками на головных уборах. Их приветливые улыбки рассеяли тьму, от них стало тепло на сердце.

Мы были вместе целый год. Вместе делили трудности партизанской жизни, вместе хоронили павших товарищей. В тяжелом бою погубил мой друг и товарищ оператор Муромцев. И когда утихли последние отголоски выстрелов, югославские партизаны подошли ко мне. Они утешали меня и, перемешивая сербские и русские слова, говорили, что смерть русского друга для них тяжела так же, как и для меня.

Каждая победа Советской Армии воспринималась югославскими патриотами, как своя собственная победа. Я часто вспоминаю своего боевого товарища—партизана Остона. После получения фронтовой сводки, где сообщалось о новой победе советских войск, он радостно восклицал: «То, дружба, теперь мы победим!».

И еще одно лицо всплывает в памяти — лицо рядового бойца нашей армии, сибиряка Коптелова. Вместе с югославскими воинами он освобождал Белград. Когда ликующие толпы народа заполнили праздничные улицы освобожденного города, он сказал:

— Все войны мы думали о югославских партизанах, думали о страданиях, которые мы вместе пережили. Теперь нам ничего не страшно.

Боевые дни сроднились нас с югославскими братьями. Дружба с ними нужна нам, как жизнь!

В. ЕШУРИН,
кинооператор

К визиту Шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви в СССР

На днях по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова с двухдневным визитом в Советский Союз прибыл Его Величество Шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и Его Величество Шахиншах Сорейя Пехлеви.

Нынешний шах Ирана родился в 1919 году. До 1930 года он учился в кадетской школе в Тегеране, а затем в Швейцарии. Вернувшись на родину в 1936 году, Мохаммед Реза Пехлеви продолжил свое образование.

С 16 сентября 1941 года Мохаммед Реза Пехлеви — Шахиншах Ирана.

Посещение иранским шахом нашей страны послужит делу укрепления взаимопонимания между двумя соседними государствами.

На снимке: Шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и Шахиншах Сорейя Пехлеви.

Снимок из немецкого журнала «Ревю»

Международная почта

ЛЖЕ-МИТРОФАНУШКИ

НЕ СИЛЕН был недоросль Митрофанушка в арифметике. Единжды ноль — ноль, — это он знал довольно твердо, а вот когда надо было сложить один да один, задумывался... Как ни удивительно, сейчас ссысались лже-Митрофанушки, которые утверждают, что если из определенной суммы вычесть один миллион двести тысяч, то сумма не уменьшится, а... увеличится! Причем подобными выкладками занимаются вполне великообразные люди. Западногерманская газета «Франкфуртер рундау» указывает, что государственный секретарь США Даллес, главнокомандующий вооруженными силами НАТО генерал Грюнтер, а также коэкто в Западной Германии «мобилизовали всю свою проницательность и компетентность, чтобы доказать, будто бы демобилизация 1,2 миллиона советских солдат не сократит, а скорее увеличит мощь Советского Союза».

Советская инициатива поставила некоторых западных деятелей перед выбором — или последовать примеру Советского Союза, или окончательно разбить себя как поборников войны. Но так как эти господа не хотят ни того, ни другого, они пытаются с помощью нелепых арифметических фокусов навести тень на решение Советского правительства. «Франкфуртер рундау» издается над фальшивой «ложкой» этих лже-Митрофанушек.

«Теперь мы наконец знаем», — иронизирует газета, — почему для Федеративной Республики Германии так важно сформировать вооруженные силы численностью в 500 тысяч человек, хотя до сих пор, учитывая современную военную технику, мы считали это дело излишним: Запад хочет внести свой вклад в дело разоружения. Ибо несомненно во всяком случае одно: если демобилизация солдат повышает военный потенциал, то формирование дополнительных вооруженных сил должно, логически рассуждая, уменьшить военный потенциал.

Если уж вполне буржуазная «Франкфуртер рундау» откровенно издается над пропагандистскими потугами поборников гонки вооружений, значит, дела последних обстоят весьма неважно.

СРЕДИ ПУШЕЧНЫХ КОРОЛЕЙ

— Сокращение вооруженных сил в СССР — ведь это же равносильно объявлению войны!
— Нам!
— Нам!

Рисунок художника Камерини из итальянской газеты «Пазе»

КТО ВИНОВАТ?

Продолжительность жизни белых в Юго-Африканском Союзе составляет в среднем около 70 лет, а коренных жителей — африканцев — 36 лет.

Дело в том, что африканцам приходится жить в ужасных условиях, созданных расистами. Англия и Южно-Африканский Союз поместили статью профессора Теодора Гиллмана, в которой он пишет, что в туземной резервации Сискей из каждой тысячи детей 508 умирают в возрасте 18 лет (из них 242 не доживают до года). Выжившие вырастают слабыми и больными, и в 20—25 лет юности кажутся на 20—30 лет старше, чем есть на самом деле (о женщинах и говорить не приходится). Не только старый, но и пожилой африканец, по словам Гиллмана, — редкое явление в ЮАС.

В чем причина ранней смертности? Не доведение и болезни, пишет профессор. Расисты обычно утверждают, что африканцы от природы умственно недоразвиты и что в этом корень их бед. Но профессор Гиллман с этим не согласен. Африканец, говорит он, наследует не слабые умственные способности, а «образ жизни, фактически обрекающий его на физическую и умственную катастрофу».

Истина заключается в том, что африканцы «наследуют» гнет колониаторов, жестокости колониализма.

Навеки вместе

Трудно найти в нашей стране человека, который с чувством огромной радости не говорил бы сегодня о торжестве ленинских принципов братства и сотрудничества народов, выражившемся со всей полнотой в Совместном заявлении правительства СССР и ФРЮ и Декларации об отношениях между СБЮ и КПСС.

Мне довелось быть в Югославии в мае 1955 года в составе профсоюзной делегации советских работников просвещения. Мы приехали в Белград за несколькими днями до посещения Югославии Правительственной делегацией СССР. Уже первые дни пребывания в югославской столице убедили нас, что мы находимся в братской семье, среди искренних и сердечных друзей. Мы беседовали с учителями, с рабочими, домохозяйками и везде встречали дружеские улыбки, радостные приветствия.

15 мая, во время перерыва на конгрессе учителей, где мы присутствовали в качестве гостей, к нам подошел семидесятилетний учитель Милан Янкович. Пятнадцать лет своей жизни он отдал благородному делу обучения и воспитания сынов и дочерей Югославии. В торжественной тишине прозвучал его срывающийся от волнения голос:

— Дорогой друг, передаю вам несколько своих книг. В них я изложил свои мысли об образовании и воспитании подрастающего поколения в нашей стране на демократических принципах. Мои взгляды на эти вопросы складывались на основе работ Чернышевского и Добролюбова, они оформились под влиянием учения великого Ленина. И, как и многие из нас, — ученик Ленина. Вам, как представителю страны, строящей свою жизнь на ленинских принципах, я передаю эти книги и говорю: в знак дружбы и любви. Пусть вечно объединяют нас великие ленинские идеи, пусть навеки наши народы будут в одной братской семье!

Нет необходимости говорить о том, что переживания наши люди в дни пребывания в СССР Правительственной делегации Югославии, — теплота и сердечность, стремление выразить свою любовь и уважение к югославскому народу, строящему жизнь на социалистических основах, были в душе и сердце каждого советского человека. Нас глубоко радуют итоги советско-югославских переговоров. Они выражают стремление наших народов жить в единой братской семье, вместе идти по одному пути — по пути мира и социализма.

И. ГРИВКОВ,
председатель ЦК профсоюза работников просвещения РСФСР

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ „ТАЙМ“

Чье кушало, того и слушаю... Ни для кого не секрет, что американский журнал «Тайм» — руло большого бизнеса. Да и сам журнал не делает из этого тайны.

В одном из его номеров напечатано письмо издателя журнала Джеймса Лина. Он расхваливает достоинства своего подчиненного — директора отдела рекламы «Тайм» Джона Маклатчи, аттестуя его, как «шотландца с блестящим чувством юмора». Благодаря усилиям этого «юмориста» американские деловые фирмы поместили на страницах «Тайм» в 1955 году рекламные объявления на кругленькую сумму в 38 миллионов долларов! И это только одна из разновидностей скрытых субсидий, получаемых журналом от «большого бизнеса».

Разумеется, «Тайм» не остается в долгу перед своими хозяевами. Он пускает в ход весь арсенал доступных ему журналистских средств, стремясь преподнести читателям представителей делового мира, как «хороших, добрых парней».

Например, «Тайм» рассказывает о том, как подкомиссия конгресса США «расследовала» доходы владельцев авиационной промышленности. (Общественное мнение настояло на проведении расследования сверхприбылей авиаконцернов и неблагоприятной деятельности множества отставных генералов американской армии, состоящих на жалованье у этих фирм.)

Для даки показаний на заседании подкомиссии прибыл президент фирмы «Бонни» Уильям Аллен. Эта крупнейшая авиационная фирма зарабатывает колоссальные деньги на поставках правительству тяжелых бомбардировщиков.

Мистер Аллен прибыл на заседание, вооруженный двумя вещами: заранее напечатанным заявлением, весом примерно в три четверти килограмма, и убеждением в том, что американские авиаконцерны зарабатывают слишком мало денег.

Аллен так и заявил: — Конгресс не должен думать о том, зарабатываем ли мы слишком много денег, а должен быть озабочен, достаточно ли мы зарабатываем, учитывая всю нашу ответственность...

Будучи в прошлом опытный адвокат, Аллен бойко зачитывал свое заявление и сыпал цифрами со скоростью реактивного самолета.

«Расследование» кончилось тем,

что председатель подкомиссии конгресса Хеберт от души поздравил Аллена и отметил, что он «отлично аргументировал» свою защиту. А расстроганный чуть ли не до слез член конгресса от штата Массачусетс республиканец Бэйтс заявил Аллену: — Мне кажется, что вы оказываете огромную услугу не только Соединенным Штатам, но и всему свободному миру, потому что если бы не существовало авиационной фирмы «Бонни», то, возможно, сегодня не было бы и свободного мира...

Так лицемерными рассуждениями о судьбе «свободного мира» аллологоты военных промышленников в конгрессе США пытаются отвлечь внимание общественного мнения от огромных доходов торговцев оружием — убежденных врагов ослабления международной напряженности и разоружения.

Излишне говорить о том, что в своем отчете о заседании подкомиссии «Тайм» не только не осудил весь этот фарс, но, наоборот, рассказал о «красноречии» Аллена с несрываемым восхищением.

Переведем еще несколько страниц того же номера «Тайм» и познакомясь с другим доблестным представителем «свободного мира».

Артур Дэвис — один из основателей «Алкоа» — алюминиевой компании Америки, поставившей большую часть алюминия для производства воен-

ных самолетов и других видов вооружения. Дэвис владеет 1336824 акциями этой компании. Его личное состояние — свыше 350 миллионов долларов. Он, естественно, против разоружения.

Дэвису 88 лет. Казалось бы, он мог спокойно доживать свои дни, отдохнуть от трудов неправедных в одном из своих шести дворцов. Но у Дэвиса беспокойная натура. Вся жизнь, по его же словам, он «делал деньги». Но «сделал» только 350 миллионов. Не может же он на этом остановиться!

Дэвис затеял новый бизнес. Он крайне озабочен благоустойем быта и отдыха... кого бы вы думали? Может быть, рабочих базисовых рудников и алюминиевых концентратов, чей пот и кровь он, как ловкий алхимик, превратил в доллары? Как бы не так! Дэвис занят благоустройством быта и отдыха своих коллег — американских миллионеров. Бедные! Им ведь негде как следует отдохнуть в современной Америке.

«Тайм» сообщает, что в начале нынешнего года Дэвис купил гостиницу «Бокс Ратон» и 1000 акров земли во Флориде, уплатив за них почти 23 миллиона долларов. Здесь он намерен организовать курорт высшего класса для миллионеров, «чья достижения в жизни дают им право вкушать высшие удовольствия».

Дэвис, кроме того, купил 75 000 акров земли (12 процентов всей территории графства Дайд во Флориде) и 50 000 акров в других графствах Флориды и строит дома стоимостью в 100 000 долларов и выше для продажи богачам.

Но Дэвис не может заботиться только о миллионерах. Он купил почти весь остров Элетера (из группы Багамских островов). Он строит там виллы на огромных участках земли и надеется, как пишет «Тайм», «превратить остров Элетера в тропический рай для «богатых миллионеров», которые не желают отдыхать бок о бок с простыми миллионерами на его же курорте «Бокс Ратон».

Характерный штришок из личной жизни самого Дэвиса. Однажды, рассказывая «Тайм», он прожег в машине по своей флоридской вилле. Заметив на шоссе рабочего, который отходил, Дэвис приказал шоферу остановиться.

— Ты думаешь, что работаешь у меня? — спросил Дэвис у рабочего.

— Да, сэр, я в этом уверен.

— Ты уже не работаешь у меня, — гаркнул Дэвис, — потому что не потеешь!

Н. БАРОЯН

В поисках выхода...

20 июня в английской палате общин произошло прения в связи с согласием правительства на покупку американским нефтяным концерном «Техас ойл компани» британской нефтяной компании «Тринидад ойл компани». Сообщение об этой сделке вызвало подлинную бурю в Англии. Газеты, отражающие мнение деловых кругов, с тревогой заговорили о возможности подчинения всей экономики Тринидада — британской колонии в Вест-Индии — влиянию Соединенных Штатов Америки. Они потребовали запрещения сделки. Смягчение в особенности усилилось после того, как министр финансов Макмиллан объяснил палате общин предстоящую продажу «Тринидад ойл компани» тем, что английское правительство не в состоянии изыскать средства для расширения нефтяной промышленности на Тринидаде. «Дейли экспресс» прямо предупредил: «Если нефтяные месторождения в Тринидаде перейдут в руки американцев, то колония будет тогда называться английской, а на самом деле она перейдет в сферу влияния Америки и американское экономическое проникновение будет усиливаться все больше и больше».

Случай с «Тринидад ойл компани» — лишь одно из проявлений серьезных затруднений, которые испытывает британская экономика. Опубликованная недавно правительственная Белая книга дает о них ясное представление.

Не стоит приводить сложные цифровые выкладки, которые содержатся в Белой книге по отдельным статьям — экспорту, импорту и т. д. Остановимся лишь на выводах, которые делают ее составители. А

они весьма неутешительны. Экономика Англии в 1955 году (Белая книга говорит об экономических итогах за прошлый год. — А. Б.) была перенасыщена, и это пагубно отразилось на платежном балансе. Платежный баланс был неудовлетворительным, а золотые и долларовые запасы сократились более чем на одну пятую... Превышение импорта, увеличившегося по сравнению с прошлым годом в три раза, над экспортом тяжело отразилось на экономике Англии... В 1955 году торговый дефицит достиг 862 миллионов фунтов стерлингов, то есть в среднем 72 миллиона фунтов в месяц (в 1954 году эти цифры составляли соответственно 599 миллионов фунтов стерлингов и в среднем 50 миллионов фунтов стерлингов в месяц). С этим связан рост цен на все товары, на топливо, квартирный плату и все виды услуг... Таковы данные Белой книги.

В чем же причина трудностей? Белая книга воздерживается от анализа. На этот вопрос отвечает английская печать. Газеты говорят, что дело в неблагоприятном торговом балансе страны. Англия не выдерживает растущей конкуренции американских, западногерманских и японских товаров на мировом рынке; английские товары дороже, нежели товары ее основных конкурентов, их производят явно недостаточно. И это неудивительно. Все последние годы, в особенности с тех пор, как Англия стала участником Северо-атлантического блока, основное внимание уделялось не развитию мирных отраслей промышленности, не ее модернизации, не производству товаров на экспорт, а производству вооружений.

Английская торговля с Советским Союзом и странами народной демократии, по

инициативе США, скована цепью ограничений и запретов. В то же время высокие таможенные тарифы закрывают путь английским товарам на рынок, где господствует доллар. Естественно, что деловые круги Англии заинтересованы сейчас в установлении нормальных торговых связей с Советским Союзом, Китайской Народной Республикой и странами народной демократии. Английский консервативный журнал «Стейтс» помещает специальную статью «Торговля Востока с Западом». Журнал, правда, повторяет стандартные измышления об угрозе экономической экспансии со стороны Советского Союза и стран народной демократии. Но он делает знаменательное признание, в частности, пишет о «возрастающей безопасности эмбарго в его нынешней форме». По данным журнала, английские экспортные организации требуют отмены запрета торговли с Востоком, и в особенности с Китайской Народной Республикой.

«Если английские купцы хотят сохранить долю в китайской торговле», — пишет «Стейтс», — очень важно, чтобы английская политика была перестроена в сотрудничестве с другими дружественными правительствами. Однако невозможно предпринять такие действия, какие мы имеем в виду, пока из списка запрещенных товаров не будет вычеркнуто значительное число предметов... Мы не делаем секрета, что, так же как почти все английские купцы и банкиры, заинтересованы в торговле с Китаем, мы будем приветствовать тот день, когда эмбарго будет ликвидировано.

Очевидно, под давлением этих кругов английское правительство приняло на днях решение разрешить своим колониям Сингапуру и Малайе экспортировать каучук в Китайскую Народную Рес-

публику. Это было встречено в Англии как свидетельство стремления ликвидировать барьеры, отгораживающие Британскую империю от других стран. «Файнэнш таймс» писала в связи с этим, что «Англия пересматривает свою позицию и хочет торговать свободно».

Но особенно много говорят в Англии о возможности широкой торговли с Советским Союзом. Англо-советские переговоры в Лондоне и заявление Н. А. Булганина о готовности всемерно содействовать развитию экономических связей вселили надежду в сердца англичан. Английская общественность справедливо видит в разоружении путь к расширению торговли и увеличению экспорта. Скотт, руководитель отдела по сбыту фирмы «Кромлтон Паркинсон», возглавлявший делегацию представителей английских промышленников в Москву в 1954 году, считает, что если мир сможет найти способ мирного сосуществования между Востоком и Западом, то появятся огромные возможности для расширения международной торговли. Сокращение вооружений высвободило бы огромные средства для капиталовложений в индустрию, связанную с экспортной торговлей. И вряд ли министру финансов пришлось бы в этом случае объяснять отказ от важнейших месторождений нефти в Тринидаде отсутствием средств для капиталовложений.

Для английского народа путь разоружения и расширения торговли означал бы избавление от тяжелого налогового бремени, от высоких цен. И что самое главное — он означал бы возвращение Англии экономической независимости. Эта истина, как показывают выступления печати, овладевает умами английских деловых кругов.

А. БЕЛЬСКАЯ

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ

ГЕНЕРАЛ Мартин, ко-мужья...

«Берлинский» 10-й американской газеты, дислоцированной в Северной Баварии, провел «соревнования» на вежливость и хорошие манеры. Его дивизион прославился (среди оккупационных войск) грубиянскими и сквернословными, и это, видимо, несколько расстроило генеральские нервы.

Нам трудно судить, как проходила «соревнования». Известно только, что «постараившихся вести себя наиболее корректно» оказалось трое. Умелый командир дивизиона предоставил им четырехдневный отпуск...

Обо всем этом написано на 12-й странице газеты «Норнбергер нахрихтен». А на 10-й странице того же номера газеты опубликована заметка, показывающая, что «соревнования» впрямь не пошло.

В заметке рассказывается, как два подвыпивших американских солдата взяли такси с намерением развезти по домам своих дам, а затем отправились в казармы в город Форт-Шофер, удуренный печальным опытом, попросил деньги вперед. И тотчас попался за такую нахальную дерзость... Солдаты схватили шофера за горло, и только крики о помощи спасли немца. Американские пассажиры ретировались, и шофер остался беззастенчивым.

Да, нелегкая миссия выпала на долю генерала Мартина: приватить подчиненных к культуре...

...и ЖЕНЬ НЕМЕЦКАЯ

«Берлинский» немецкая газета «Берлинер цейтунг» поместила так давно сообщенные из Лондона о состоявшихся там собраниях жен американских офицеров.

«Жены американских офицеров — отнюдь не ангелы», — пишет газета. И они, по примеру мужей, позволяют себе резвиться. Вот почему американский генерал Кук вынужден был собрать двести жен старших офицеров войск США, расквартированных на Британских островах, и прочитать им лекцию о том, как надо вести себя по отношению к местным жителям.

О чем говорил генерал Кук? Он дал дамам несколько практических советов. Первый: не следует садиться за руль автомобиля в нетрезвом виде, ибо потом придется объясняться с полицией. Второй: нужно вести себя так, чтобы Кук не перелад аудиторией извращения неудовольствия его шефа — главнокомандующего вооруженными силами Атлантического блока генерала Грюнтера, заявившего, что есть немало американцев, которые даже не знают, что такое НАТО. Многие считают, что НАТО — это имя умершего японского генерала.

— Это уже никогда не годится, — сказала генерал Кук. — Кругом невежество... В результате офицерские жены уразумели, что непонимание слова НАТО — грех куда более тяжкий, чем буйное поведение в чужой стране.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).